

Увидев, что муж так напугал сына, что тот аж выпрямился, мама Чи хлопнула его по спине.

— Ну и зачем ты, старый хрыч, ребёнка пугаешь?

Получив по спине, папа Чи, наоборот, развеселился и, широко улыбаясь, сказал:

— А какой смысл заводить детей, если потом над ними даже немножко пошутить нельзя?

— Ты... Эх, ладно. Даже говорить с тобой не хочу, — мама Чи потеряла дар речи от его выходки.

Разговор снова вернулся к «Лётным шахматам». Папа Чи распределил между ними цвета фишек и, расставляя их, сказал:

— Эта игра у нас дома уже почти что «антиквариат». С тех пор как купили, лет пятнадцать прошло, наверное.

Супруги посмотрели на Чи Аня. Картина того, как их малыш, желая заставить родителей купить эту игру, катался по полу и устраивал истерику, всё ещё стояла у них перед глазами.

Мама Чи тихо произнесла:

— Как же быстро летит время.

Чи Ань рядом потёр нос. Он и не подозревал, что в детстве был таким.

Свои ранние годы он почти совсем забыл. Помнил лишь, что после поступления в начальную школу родственники и соседи при встрече постоянно хвалили его и называли послушным ребёнком.

Впрочем, вполне возможно, что память у него была избирательной и он сохранил только чужие похвалы.

Пока они играли, папа и мама Чи рассказали ещё немало историй из его детства. Даже самому Чи Аню было интересно их слушать.

Они играли, разговаривали и совершенно забыли о времени. Лишь когда из соседней квартиры донёсся запах еды, семья заметила, что уже почти полдень.

Мама Чи первой довела все свои фишки до финиша. Она поднялась, отряхнула одежду и сказала:

— Пойду займусь кухней.

Дойдя до кухни, она снова обернулась к оставшимся в гостиной:

— Папа, потом придёшь мне помогать. Сяо Ань, а ты телевизор посмотри или в телефоне поиграй.

Папа Чи ушёл на кухню, а Чи Ань принялся убирать «Лётные шахматы». Выдвинув ящик, чтобы положить игру на место, он заметил лежащий там фотоальбом.

Открыв его, Чи Ань увидел самые разные свои фотографии — начиная с младенчества и заканчивая нынешним временем.

Он убрал «Лётные шахматы», достал фотоальбом и, усевшись на диван, начал листать страницы.

Больше половины альбома занимали его фотографии, сделанные до старших классов. После поступления в старшую школу он стал проводить с родителями меньше времени, да и новых снимков почти не появлялось.

Ближе к концу альбома лежало множество одинаковых семейных фотографий.

По словам мамы Чи, если однажды кому-нибудь из семьи из-за работы или по другой причине придётся уехать далеко от дома, можно будет взять с собой такую фотографию, чтобы хоть немного облегчить тоску по родным.

Чи Ань вытащил самый свежий семейный снимок. Его сделали у ворот университета в тот день, когда родители привезли его на регистрацию.

Юноша на фотографии счастливо улыбался, демонстрируя ровно восемь зубов. Впрочем, юношей его можно было назвать лишь по возрасту — если судить только по внешности, многие наверняка приняли бы его за старшеклассника.

У Чи Аня были тонкие, изящные черты лица. Под чуть округлыми миндалевидными глазами красовалась крошечная родинка-слезинка; длинные ресницы, высокий прямой нос и губы идеальной полноты невольно заставляли подумывать, что целовать их, должно быть, очень приятно.

Пушистые, слегка вьющиеся чёрные волосы добавляли ему миловидности. Кто-то даже говорил, что временами Чи Ань напоминает маленького пушистого зверька.

Внешностью он больше пошёл в маму Чи, но при этом несколько не выглядел женственно.

Чи Ань держал фотографию в руке и долго не мог отвести от неё взгляд.

— Сяо Ань, обедать! — крик мамы Чи вывел его из задумчивости.

— Иду, иду.

Чи Ань спрятал фотографию в карман.

Когда он сел за обеденный стол, папа Чи спросил, на что он только что так засмотрелся: его дважды звали, а он даже не откликнулся.

— Увидел в ящике фотоальбом и немного полистал. — Чи Ань сунул руку в карман, достал фотографию и положил на стол. — Кстати, вот этот снимок я заберу себе, ладно?

Супруги посмотрели на лежащую на столе фотографию и оба замолчали.

Почувствовав, что атмосфера стала какой-то тяжёлой, Чи Ань поспешно убрал снимок обратно.

Папа Чи вздохнул.

— Я недавно заново перебрал этот альбом. Когда закончил, было такое чувство, будто прошла целая жизнь.

Он протянул руку через стол и потрепал сидящего напротив сына по волосам.

— А ведь наш сын уже совсем взрослый.

У мамы Чи защипало в носу. Она толкнула сидящего рядом мужа локтем и тихо сказала:

— Не говори таких грустных вещей.

Затем она положила Чи Аню в миску огромную порцию его любимого блюда.

— Сяо Ань, ешь побольше. Пускай твоему папе ничего не достанется.

В этот момент Чи Аню вдруг захотелось плакать. Ему всё сильнее казалось, что это последний раз, когда он сидит с родителями за одним столом.

Он опустил голову и принялся запихивать еду в рот. Незаметно вращая глазами, он старался

не дать слезам пролиться.

За обедом все трое почти не разговаривали. Каждый боялся, что стоит открыть рот — и разговор снова зайдёт о чём-нибудь, от чего захочется плакать.

Обед и без того приготовили поздно, а когда закончили есть, оказалось, что уже почти час дня.

В организации говорили, что с собой разрешается взять некоторые вещи, которые могут пригодиться после будущего пробуждения.

— Пап, мам, я пойду наверх соберу вещи.

Чи Ань оставил посуду на столе и, шлёпая тапочками, побежал наверх.

Ступая на первую ступеньку, он едва не упал из-за того, что слишком разогнался.

Мама Чи невольно нахмурилась.

— Посмотри на него, такой вечно торопливый и неосторожный. Вот проснётся в будущем — и что он без нас делать будет? Кто за ним присмотрит?

Папа Чи обнял её за плечи.

— Дети всё равно когда-нибудь вырастают. Просто рядом с родителями они обычно совсем не такие, как когда остаются одни.

— С родителями всегда хочется немного больше на них полагаться.

Вернувшись в свою комнату, Чи Ань закрыл дверь и всем телом прислонился к ней, не желая двигаться.

Он оглядел комнату. Кажется, брать с собой особенно нечего.

Если бы было можно, он бы забрал с собой в будущее родителей.

Ему хотелось, чтобы, проснувшись когда-нибудь потом, он снова смог увидеть маму и папу.

Эх, но об этом оставалось только мечтать. Даже через сколько лет он сам проснётся — неизвестно.

Чи Ань долго сидел в комнате без движения, пока в дверь не постучал папа Чи.

— Сяо Ань, ты вещи собрал? Уже почти половина третьего, нам пора выезжать.

Чи Ань открыл дверь с пустыми руками.

— А вещи, которые ты собрал? На кровати оставил?

Папа Чи заглянул в комнату. Возле кровати действительно стоял раскрытый чемодан, но внутри не было ничего.

Чи Ань выглядел совершенно поникшим, даже говорил без всяких сил:

— Я подумал... Вроде и брать нечего. После пробуждения организация обеспечит всем необходимым для жизни.

Они спустились вниз, и мама Чи сунула ему в руки небольшую сумочку.

— Мы кое-что собрали для тебя. Здесь банковская карта и тот фотоальбом.

— Пароль от карты — дата твоего рождения. Денег на ней, наверное, хватит тебе на жизнь в будущем. Но если к тому времени цены совсем изменятся, тут уж мы ничего поделать не сможем.

Чи Ань крепко сжал сумочку и ничего не сказал. Он лишь протянул руки и обнял обоих родителей.

— Пи-пи-пи, пи-пи-пи.

Внезапно зазвонил будильник на телефоне. Чи Ань от неожиданности вздрогнул и выпустил родителей из объятий.

— Прости, прости, совсем нашего сына напугал, — папа Чи выключил будильник, поставленный на половину третьего. — Нам пора выезжать.

<http://bllate.org/book/20586/2058475>